

ПЕРЕДЪЛКИ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

Нападенія Ласкера на прусскихъ концессионеровъ и учредителей акционерныхъ обществъ обратили вниманіе на неудовлетворительность послѣдняго акціонернаго закона, изданнаго въ 1870 году, въ палатахъ и въ печати стали раздаваться громкія требованія о его немедленномъ пересмотрѣ и измѣненіи. Но многіе изъ нѣмецкихъ юристовъ возвысили свой голосъ противъ излишней, въ этомъ отношеніи, торопливости; они доказывали, что всякій законъ, будучи введенъ въ дѣйствіе, въ теченіе первыхъ же лѣтъ выказываетъ свои недостатки, что не слѣдуетъ спѣшить исправленіемъ этихъ недостатковъ потому, что по исправленіи вскорѣ окажутся новыя и законное положеніе такимъ образомъ никогда не установится.

Быть можетъ, въ данномъ случаѣ мнѣніе это отзывалось и излишней осторожностью, такъ какъ необходимость положить конецъ издательствамъ всякаго рода со стороны концессионеровъ и учредителей стала очевидной и не въ одной Германіи; но, говоря вообще, такое мнѣніе несомнѣнно справедливо. Частыя перемѣны въ законодательствѣ, особенно когда онѣ исходятъ изъ различныхъ, одно другому противорѣчащихъ побужденій, представляютъ самыя серьезныя неудобства: онѣ колеблютъ уваженіе къ закону, вызываютъ сомнѣніе въ твердости намѣреній законодательной власти и отнимаютъ необходимое къ ней уваженіе. Когда новыя законы противорѣчатъ принципамъ, установленнымъ прежними законами,—говоритъ I. Бентакъ,—то чѣмъ сильнѣе этотъ принципъ, тѣмъ ненавистнѣе подобныя перемѣны; послѣдовательность въ законахъ; изъ этого истекаетъ противорѣчивость въ мнѣніяхъ и обманутыя ожиданія обвиняютъ законодателя въ торопливости. Вотъ почему нововведенія въ законахъ должны быть дѣлаемы съ большою осмотрительностью. Не слѣдуетъ разрушать подъ

рукою пересозданія, ибо легко разрушить зданіе законовъ, но трудно возсоздать его, а самое измѣненіе законовъ не должно быть довлѣяемо умамъ опрометчивымъ и невѣжественнымъ“.

Высказывая эти истины, англійскій юристъ являлся вѣрнымъ сыномъ своей земли, ибо нигдѣ такъ не вкоренилось крайнее предубѣжденіе противъ всякихъ измѣненій законодательства, какъ въ Англии, и въ то же время нигдѣ законъ и законодательная власть не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ въ этой консервативной странѣ.

Для насъ, русскихъ, также мало понятенъ англійскій консерватизмъ, какъ и нѣмецкая осторожность, быть можетъ, потому, что у насъ пока еще немного есть такого, что желательно было бы надолго сохранить неприкосновеннымъ, а быть можетъ также и оттого, что мы слишкомъ привыкли къ перемѣнамъ въ сферѣ законодательной и всякое преобразование, какъ бы оно ни казалось глубокимъ и важнымъ, вызываетъ въ насъ прежде всего не опасеніе за то, какъ оно привѣтается въ жизни, а увѣренность, что оно еще прежде подвергнется разнымъ передѣлкамъ, которые могутъ не только уменьшить, но и вовсе уничтожить благотворныя послѣдствія совершившейся реформы. Правда, что не всегда такія ожиданія оправдываются: освобожденію крестьянъ и военнымъ преобразованиямъ не грозятъ крутые повороты назадъ. Надо впрочемъ замѣтить, что исполненіе предначертаній законодательской власти объ улучшеніи и переустройствѣ русской арміи съ самой чистотой ихъ осуществленія оставалось въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, а военное министерство непрерывно заботилось о дальнѣйшемъ развитіи и преуспѣяніи ввѣреннаго ему дѣла.

Къ сожалѣнію, не вездѣ замѣтна такого рода послѣдовательная работа въ проведеніи совершившагося преобразования. Такъ, нельзя не видѣть, что судебная реформа еще прежде, нежели она распространилась на всю Россію, въ теченіе семи лѣтъ подверглась болѣе чѣмъ менѣе существеннымъ передѣлкамъ. При взглядѣ на совершившіяся уже измѣненія судебныхъ уставовъ и на приготовляемыя, судя по слухамъ и газетнымъ извѣстіямъ, дополненія ихъ, будущій исходъ судебнаго преобразования можетъ, пожалуй, придти къ заключенію, что примѣненіе новаго законодательнаго акта пошло въ руки не тѣмъ, кому онъ не сочувствовали и стремившихся къ тому, чтобы путемъ мелкихъ, повидимому, передѣлокъ и исправленій отнять у него то значеніе, которое въ началѣ придавала ему законодательная власть. Быть можетъ, такое заключеніе будетъ и невѣрно, но къ тому придти не мудрено въ виду того, что сдѣлано до сихъ поръ въ судебныхъ уставахъ, когда еще не успѣло закониться достаточною ясностью и фактовъ, оправдывающихъ перемѣны въ преобразованіи, даже не вполне примѣненнымъ и которое Богъ вѣдаетъ, когда дой-

детъ до Сибири, ожидающей его съ нетерпѣніемъ, и до Остзейскаго края, гдѣ съ самаго начала нѣмецкое населеніе не желало имѣть его въ томъ видѣ, въ какомъ оно состоялось 20 ноября 1864 года.

Говоря о передѣлкахъ судебныхъ уставовъ, послѣдовавшихъ въ большинствѣ случаевъ по инициативѣ министерства юстиціи, на первомъ лежало и лежитъ сохраненіе новаго закона въ его первоначальномъ видѣ, одобренномъ законодательною властью. мы не намѣрепы вовсе останавливаться на каждомъ изъ позднѣйшихъ дополненій и измѣненій, потому что не считаемъ это въ настоящее время удобнымъ. Но и самое краткое перечисленіе этихъ новѣйшихъ законеній едва ли не можетъ возбудить сомнѣнія въ ихъ благовременности и опасенія за излишнюю торопливость въ измѣненіи закона прежде, нежели успѣло быть понято истинное его значеніе. Вѣдь „всякое нововведеніе,—говоря словами того же I. Бентама,—бываетъ сначала окружено нечистою атмосферой; капризы и предразсудки своплюютъ кругомъ него тучи, которыя препятствуютъ разглядѣть его истинныя формы,—глазу нужно нѣсколько времени присмотрѣться къ нему, чтобы отдѣлится отъ него то, что ему чуждо; но мало-помалу правильные взгляды берутъ перевѣсъ и если первыя успѣхи не удаются, то вторыя бывають обыкновенно удачнѣе, потому что ближе знакомятся съ трудностью, которую предстоитъ преодолѣть.“

Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ по гражданскому и уголовному судопроизводству, состоявшихся съ апрѣля 1866 года, когда открылся первый въ Россіи петербургскій окружной судъ: 5 августа 1866 года послѣдовало новое правило объ исполненіи порядка исполненія судебными мѣстами рѣшеній, которыя отчуждаются въ чье-либо владѣніе имѣніе, состоящее въ завѣдываніи департамента удѣловъ и другихъ установленій министерства императорскаго двора; 12 декабря того же года утверждены новыя правила судопроизводства по дѣламъ печати, изъясншія большую часть дѣлъ этого рода изъ вѣдомства окружныхъ судовъ и прямо возложившія на прокурорскій надзоръ обязанность возбуждать преслѣдованіе по дѣламъ печати на основаніи сообщеній должностныхъ и присутственныхъ мѣстъ, не взирая на статью 130 учрежд. уст., по которой лица прокурорскаго надзора обязывались высказываемыя ими по дѣламъ мнѣнія „единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ“; законъ 1869 года освободилъ лицъ, болѣе или менѣе высокопоставленныхъ въ служебной іерархіи, начиная съ исправляющихъ должности губернаторовъ и градоначальниковъ и соотвѣствующихъ имъ чиновниковъ, морской и духовной администраціи, отъ обязанности являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и предоставилъ имъ

допрашиваемыми на дому, подобно тому, какъ это до того было предоставлено только лицамъ, не могущимъ являться въ судъ по слабости и тяжелой болѣзни; 21 марта 1872 года, дано разрѣшеніе лицамъ прокурорскаго надзора на безпрепятственный входъ въ тюремныя помѣщенія, безъ предъявленія особыхъ на то билетовъ, причемъ о такомъ же правѣ судей вовсе не упомянуто, хотя до судебныхъ уставовъ „каждый судья, также какъ и каждый прокуроръ въ предѣлахъ своего округа или участка обязанъ немедленно освобождать лицъ, неправильно лишенныхъ свободы (ст. 10 ст. угол. судопр.)“... что очевидно, исполнимо только при ихъ правѣ входить во всѣ мѣста заключенія; 7 іюня того же года состоялись дѣла закона. совершенно измѣнившіе опредѣленные уставами: порядокъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ и порядокъ судебного преслѣдованія проступковъ печати.

Таковы совершившіяся, въ теченіе семи лѣтъ, измѣненія новаго судопроизводства, въ значительной, степени обязанныя своимъ происхожденіемъ министерству юстиціи, оставившему въ сторонѣ указанія судебныхъ мѣстъ на другія, желательныя въ судопроизводствѣ улучшенія.—таковы эти измѣненія, объясняемыя отчасти и нѣкоторыми другими особыми обстоятельствами, говорить о которыхъ теперь не время и не мѣсто.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ, впрочемъ, то, что дѣлается самимъ министерствомъ юстиціи или по его требованіямъ въ новомъ судоустройствѣ, въ учрежденіи судебныхъ установленій. Нельзя при этомъ не вспомнить, какъ вслѣдъ за обнародованіемъ „Основныхъ Положеній судоустройства и судопроизводства“ въ 1862 году вмѣстѣ съ выраженіемъ искренней радости по поводу предстоявшаго преобразованія, въ печати раздавались голоса, выражавшіе сомнѣніе въ возможности установить у насъ справедливый и независимый судъ при отсутствіи условій для независимости судопроизводства. „Существованіе особаго вѣдомства юстиціи,—говорилось въ одной изъ журнальныхъ статей того времени,—по представленіямъ котораго назначаются председатели и члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, должно быть сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію начала независимости судебной власти. Гдѣ уже есть вѣдомство, въ рукахъ котораго находится раздача мѣстъ, тамъ необходимо является и зависимость отъ него должностныхъ лицъ, имъ опредѣленныхъ. Если вѣдомство представляетъ къ назначенію въ должности, то въ его рукахъ находятся и повышенія. Такимъ образомъ въ этомъ вѣдомствѣ сосредоточатся всѣ средства доставить мѣста—называемую судебную карьеру. Притомъ въ Основныхъ Положеніяхъ нигдѣ не говорится, чтобы лица, занимающія судебныя

должности, не могли рассчитывать на особые награды чинами, деньгами. Можетъ быть, вѣдомство юстиціи будетъ имѣть эти особые средства поощренія. Очевидно, что при такомъ порядкѣ всѣ суды и даже адвокаты очутятся въ совершенной зависимости отъ лицъ, располагающихъ судебною карьерой. Это такъ ясно, не требуетъ дальнѣйшихъ разсужденій“.

Серьѣзность этого опасенія и боязнь видѣть въ новыхъ судахъ не судей, которые бы являлись защитниками закона и порядка чиновниковъ, послушныхъ канризамъ ближайшаго начальства, вѣдала въ лицахъ, которымъ законодательная власть ввѣрила составленіе уставовъ, на основаніи предначертанныхъ ею Положеній, особенное вниманіе къ опредѣленію порядка назначенія и увольненія судей. Понимая очень хорошо, что для насъ недоступна судебная независимость, какая существуетъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ вѣдываетъ министр юстиціи, гдѣ нѣтъ никакого расчета на карьеру, гдѣ судьи даютъ присягу, строго ими исполняемую, въ томъ, что они будутъ судить по правдѣ, не взирая ни на какое лицо, и никому не откажутъ въ правосудіи, хотя бы самъ король требовалъ противнаго, — составители судебныхъ уставовъ заботились о томъ, чтобы хотя такая независимость суда, какая возможна при нашемъ общемъ строѣ жизни, дѣйствительно существовала. Съ этою-то цѣлью такъ обстоятельно и изложены въ учрежденіи судебныхъ установочныхъ правилъ, опредѣляющихъ необходимыя условія образованія и юридической практики, безъ которыхъ невозможенъ доступъ на судебное поприще, подробно опредѣлены порядокъ назначенія на различныя должности по судебному вѣдомству, права и обязанности всѣхъ дѣйствующихъ на новомъ судебномъ поприщѣ лицъ.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на весь этотъ рядъ правилъ не трудно замѣтить, что статьи уставовъ, нисколько не отступающія отъ Основныхъ Положеній и развивая только изложенныя въ нихъ мысли законодателя, связаны между собою неразрывно такъ, что измѣненіе одного правила неминуемо должно влечь за собою измѣненіе всѣхъ остальныхъ правилъ. Не трудно такъ же замѣтить во всѣхъ этихъ статьяхъ закона, имѣющихъ первенствующее значеніе въ судебномъ устройствѣ, тѣ существенныя начала, которыя въ нихъ положены и послѣдовательно во всѣхъ нихъ развиты.

Такъ прежде всего видно, что судебные уставы считали необходимымъ открыть доступъ на судебное поприще только лицамъ, подготовленнымъ, не отступая въ томъ случаѣ отъ мысли графа Блудова, который прямо высказалъ, что къ занятию должностей по судебному вѣдомству слѣдуетъ допускать только

лицъ, которыя имѣютъ нужныя для того познанія, пріобрѣтенныя какъ изученіемъ юридическихъ наукъ, такъ и достаточною въ практикою. Понимая, однако, что съ самаго начала, при отъ первыхъ судовъ, нельзя было не воспользоваться тѣми изъ бывшихъ практиковъ, которые хотя не посѣщали курса юридическихъ наукъ, но продолжительною службою по судебному вѣдомству пріобрѣли основательныя познанія по судебной части, — уставы отъ временно и этимъ лицамъ доступъ въ новыя судебныя учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая на будущее время составить таковой, постоянно пополняемый, контингентъ лицъ, юридически образованныхъ и пріобрѣвшихъ практику по судебной части, уставы создали должность кандидатовъ по судебному вѣдомству исключительно изъ получившихъ высшее юридическое образованіе. Но спустя годъ открытія первыхъ новыхъ судебныхъ учреждений, когда, конечно, не могло быть недостатка въ лицахъ, вполне пригодныхъ для судебной дѣятельности, состоялся 26-го іюня 1867 года законъ, допустившій на должность кандидатовъ и лицъ, не получившихъ юридическаго образованія, впредь до введенія судебныхъ уставовъ во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію и въ Бессарабской области. Такимъ образомъ надолго отсрочилась возможность пополнять суды людьми, достаточно подготовленными не только своею практическою дѣятельностью, но и теоретическимъ образованіемъ.

Признавъ положительно необходимымъ, чтобы суды и прокурорскій надзоръ состояли изъ лицъ, надѣленныхъ какъ теоретическимъ образованіемъ, такъ и практическою опытностью, судебные уставы, руководствуясь Основными Положеніями, опредѣлили такія же условія образованія по отношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ. Странно было бы повторять теперь, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ утвержденія верховною властью Основныхъ Положеній, почему признавъ необходимымъ самый институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, не дать подробный отвѣтъ на это можно найти въ журналахъ государственнаго совѣта, выписки изъ которыхъ приведены въ изданной государственною канцеляріею судебныхъ уставовъ. Довольно замѣтить, что два раза, въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года и въ судебныхъ уставахъ 1864 года, выразилась одна и та же мысль законодателя объ учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ связующаго звена между судомъ и представшими передъ судъ лицами, и правильнымъ участіемъ своимъ не только ускоряли бы ходъ процесса, но и содѣйствовали бы справедливому ихъ рѣшенію судомъ“. Спустя послѣ этого, что учрежденіе этого сословія можетъ считаться необходимымъ. Но прошло семь лѣтъ послѣ введенія судебныхъ

уставовъ въ дѣйствіе, и не только не опредѣленъ комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ въ столицахъ, гдѣ число ихъ совершенно достаточно, а еще составляется проектъ объ организаціи ходатаевъ и слѣдствъ, которымъ ни образованіе, ни судебная практика, ни нравственныя качества не даютъ доступа въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Проектъ этотъ игнорируетъ, конечно, высказанное въ 1861 году въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе, что допущеніе въ число адвокатовъ отставныхъ чиновниковъ, не получившихъ юридическаго образованія, будетъ имѣть болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ послѣдствій; онъ оставляетъ въ сторонѣ представленія многихъ судовъ о скорѣйшемъ опредѣленіи комплекта присяжныхъ повѣренныхъ, и, слѣдовательно, объ уничтоженіи ходатаевъ, изъ которыхъ многіе уже успѣли попасть подъ судъ за мошенничество, большинство непопавшихъ подъ судъ своими дѣйствіями наноситъ постоянный вредъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и судамъ. Объясняется чѣмъ бы то ни было полезность организаціи общества частныхъ ходатаевъ, которые, подъ чьимъ бы номинальнымъ надзоромъ ни находились, и хотя бы подъ надзоромъ министерства юстиціи, стоящаго въ сторонѣ отъ суда,—будутъ дѣйствовать скопомъ еще вреднѣе, чѣмъ они дѣйствовали до сихъ поръ въ одиночку, и превращать адвокатскую дѣятельность въ свободный промыселъ, мы, конечно, не беремся. Нельзя, напротивъ того, не сказать, что нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы разрушать только-что создающееся сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, успѣвшее доказать свою полезность и представляющее несомнѣнныя задатки къ своему развитію, какъ это доказываетъ примѣръ столицъ и въ особенности Петербурга, если только исполнится требованіе закона (ст. 388 учр. суд. уст.) и опредѣлится комплектъ, то-есть число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, для чего въ настоящее время данныхъ намъ было уже достаточно.

Опредѣливъ общія условія для дѣятельности въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, судебныя уставы указали и еще особыя необходимыя условія для занятія различныхъ судебныхъ должностей. Такъ, напримѣръ, уставами опредѣлено, что членами окружныхъ судовъ и судебными слѣдователями назначаются лица, прослужившія не менее трехъ лѣтъ въ судебныхъ должностяхъ не ниже секретаря окружнаго суда; членами судебныхъ палатъ, предсѣдателями и товарищами предсѣдателя окружныхъ судовъ назначаются лица, состоявшія не менее трехъ лѣтъ въ судебныхъ должностяхъ не ниже члена окружнаго суда; въ прокурорскій надзоръ назначаются лица, занимавшіяся судебною практикою: для должности

прокурора окружнаго суда — не менѣе четырехъ лѣтъ, для должности прокурора окружнаго суда и товарища прокурора судебнаго суда — не менѣе шести лѣтъ, для должности прокурора судебнаго суда и товарища оберъ-прокурора — не менѣе восьми лѣтъ и для должности оберъ-прокурора не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Ограниченными, такимъ образомъ, кругъ лицъ для замѣщенія судебныхъ должностей, судебныя уставы опредѣлили и особый порядокъ назначенія въ должности, не подчиненныя министерству юстиціи, судей и прокурорскихъ слѣдователей, по которому кандидатовъ для замѣщенія открывающихся вакансій членовъ судовъ и судебныхъ палатъ представляютъ общія собранія суда и палаты.

Существенное значеніе всѣхъ этихъ правилъ очевидно, ибо только ограниченное число лицъ открываетъ доступъ къ известнымъ должностямъ всѣмъ лицамъ, совмѣщающимъ въ себѣ тѣ качества, которыми обусловливается успѣшное исполненіе возлагаемыхъ обязанностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое назначеніе ставится въ зависимость не отъ одного одобренія претендентовъ лицами, завѣдывающими опредѣленіемъ судебныхъ чиновъ, но представляетъ болѣе доступную контролю правительства въ основательности избранія.

При громадной обширности Россіи и при тѣхъ условіяхъ развитія и образованія, въ которыхъ она находится, нѣтъ никакой возможности имѣть въ Петербургѣ, въ департаментѣ министерства юстиціи, вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о способностяхъ, познаніяхъ и нравственныхъ качествахъ всѣхъ судебныхъ чиновъ. Министру юстиціи, даже и надѣленному необыкновенными познаніями и прозорливостью, можетъ быть известна только незначительная часть лицъ судебного вѣдомства. Поэтому предоставлять избраніе на должность судей и судебныхъ слѣдователей одному личному усмотрѣнію министра юстиціи, значило бы съ одной стороны суживать кругъ избираемыхъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ нельзя быть очень разборчивымъ въ выборѣ, а съ другой, подвергать назначеніе на важныя должности случайностямъ, при которыхъ лицо, назначенное на известную должность, вовсе не окажется къ тому годнымъ, если же министр юстиціи станетъ полагаться на рекомендаціи, то отъ этого неминуемо разовьется система протекцій, самая вредная и вредная изъ всѣхъ системъ избранія кандидатовъ на судебныя должности. Вотъ причины, по которымъ уставы признали самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ на открывшіяся должности. „Поручивъ этотъ выборъ обсужденію общаго собранія всѣхъ департаментовъ или отдѣлений судебного мѣста при участіи прокурора, едва ли можно опасаться вліянія протекцій и какихъ-либо ошибокъ; напротивъ, есть много основаній ду-

мать, что только при такомъ порядкѣ люди дѣйствительно полезны, получать возможность заслуженнаго повышенія, преграждая людямъ случайнымъ, а высшее управленіе судебною частію пріобрѣтеть вѣрныя свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ, съ ручательствомъ ихъ судовъ въ ихъ благонадежности и знаніи дѣла.

Всѣ эти предположенія, соображенія и основанныя на нихъ предположенія вида судебныхъ уставовъ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ остаются безъ исполненія. На должность судебныхъ слѣдователей само министерство юстиціи чаще всего „командируетъ“ различныя лица для временнаго исполненія обязанностей слѣдователя. Въ палатахъ и палатахъ, существующихъ по нѣскольку лѣтъ, открывшіяся вакансіи замѣняются часто вовсе не лицами, избранными самими судебными учрежденіями. При этомъ должности товарищей предсѣдателей и предсѣдателей замѣщаются безъ всякаго соображенія съ прежнею дѣятельностью назначаемого и преимущественно изъ состава прокурорскаго надзора, неизвѣстно почему сдѣлавшаго разсадникомъ людей, годныхъ на всѣ высшія должности. Нѣтъ надобности перечислять постоянно повторяющіяся такія назначенія, когда быстрая карьера сдѣлалась какой-то маніей въ новомъ судебномъ вѣдомствѣ, гдѣ повышенія идутъ быстрѣе, чѣмъ въ дѣйствующей арміи въ военное время; когда юноши, только-что окончившие курсъ, побывъ немного времени помощниками секретарей въ какомъ-нибудь судѣ, пройдя затѣмъ сквозь горнило прокурорскаго надзора, возвращаются затѣмъ въ тотъ же судъ предсѣдательствовать надъ судьями, у которыхъ они учились первымъ приемамъ дѣлопроизводства. При этомъ нужно сказать, что высшія инстанціи пополняются не столько большимъ разборомъ, чѣмъ окружные суды, и потому иногда нами судебныхъ палатъ можно видѣть людей, впервые, послѣ своего назначенія, знакомящихся съ судебными уставами. О томъ, какъ этотъ порядокъ назначеній долженъ отзываться на дѣлахъ, палатъ на правильное ихъ рѣшеніе—и говорить нечего. Но такой порядокъ назначеній обѣщаетъ въ будущемъ еще худшее: теперь уже оберъ-секретари сената нейдутъ въ члены окружныхъ судовъ, какъ это было въ 1866 году; должности судей и слѣдователей не только не привлекаютъ многихъ изъ другихъ сферъ дѣятельности, а напротивъ того, весьма часто судебное поприще мѣняется на другую карьеру, гдѣ больше цѣнится трудъ и способности и гдѣ матеріальное вознагражденіе гораздо лучше того, какое даетъ судебная дѣятельность. Заботясь о томъ, чтобы дать суду возможную самостоятельность, судебные уставы не могли, конечно, допустить подчиненія судей министерству юстиціи. Но признавъ необходимость несмѣняемости судей, уставы подчинили новое судебное вѣдомство строгому

стному контролю и серьезной отвѣтственности, которыхъ до сихъ поръ не знаетъ ни одно административное учрежденіе. Съ одной стороны надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебного вѣдомства возложенъ на высшія, въ порядкѣ подчиненности, судебныя мѣста, то-есть, на кассационные департаменты сената, судебныя палаты и окружные суды; бывшіе доселѣ случаи преданія и дисциплинарныхъ взысканій, которымъ подвергались различныя должностныя лица судебного вѣдомства за проступки и упущенія, совершающіяся въ другихъ мѣстахъ безъ всякихъ взысканій, уже успѣли показывать, насколько надзоръ этотъ дѣйствителенъ и строгъ. Съ другой стороны, общій надзоръ за судебными установленіями возложенъ на министра юстиціи, который если и лишень права вмѣшиваться въ производство дѣлъ и во внутренніе порядки судебныхъ учреждений за то можетъ лично, или черезъ своего товарища, производить ревизію всѣхъ судебныхъ установленій, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ учрежденій поручать членамъ судебныхъ палатъ. Несмотря на обширность такого, даннаго министру, права, несмотря также на положительно высказанное при составленіи уставовъ мнѣніе, что ревизія судебного мѣста посредствомъ чиновниковъ, не принадлежащихъ къ составу высшаго надъ тѣмъ мѣстомъ суда, рѣшительно не можетъ быть допущена и что исключеніе въ этомъ отношеніи для самого министра юстиціи и его товарища оправдывается лишь главнымъ ихъ начальствомъ надъ всею судебною администраціею,—не дальше какъ черезъ три года послѣ открытія первыхъ окружныхъ судовъ, состоявшихъ изъ лицъ, избранныхъ самимъ министерствомъ юстиціи, въ этомъ министерствѣ возникло предположеніе о коренномъ измѣненіи правилъ о ревизіи и о полномъ подчиненіи надзору министерства. По этому проекту предполагалось производить ревизію окружныхъ судовъ и мировыхъ учрежденій даже членамъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденнымъ, которымъ вовсе и не обязательно знать новый судебный порядокъ. Проектъ министерства не прошелъ, правда, въ томъ видѣ, въ какомъ предлагался; тѣмъ не менѣе однако, закономъ 23 іюня 1872 года предоставлено министру юстиціи производить „обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій“ черезъ оберъ-прокуроровъ кассационныхъ департаментовъ сената, оберъ-прокуроровъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ.

Видно, однако, изъ этого, что при такомъ строгомъ надзорѣ, когда всякое дѣло, совершаемое судьями, можетъ дать поводъ къ дисциплинарной или уголовной отвѣтственности, не представляется уже никакой надобности въ вмешательствѣ администраціи въ дѣла внутренняго расио-

рядка въ судебныхъ мѣстахъ. По судебнымъ уставамъ, назначенныя верховною властью судьи одного судебного учрежденія сами между собою распредѣляютъ занятія, за успѣшное исполненіе которыхъ они сами и отвѣчаютъ. Такимъ образомъ, всѣ вопросы и правила о порядке и устройствѣ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и распредѣленіе судебныхъ слѣдователей по участкамъ, судей по отдѣленіямъ и департаментамъ гражданскимъ и уголовнымъ, назначеннаго состава присутствія суда для періодическихъ выѣздовъ по округу, назначеніе дней засѣданій, все это предоставлено разрѣшенію съѣзжихъ собраній всѣхъ отдѣленій или департаментовъ судебныхъ мѣстъ. Чтобы это правило обнаружило какія-либо неудобства въ практикѣ, этого рѣшительно ничѣмъ доказать нельзя: напротивъ того во всемъ, что касается предметовъ внутренняго распорядка, судебныя учрежденія успѣли показать большую добросовѣстность и честное отношеніе къ порученному имъ дѣлу, а нѣкоторые изъ назначенныхъ ими наказовъ могутъ даже служить образцами инструкцій.

Между тѣмъ, начиная съ 1868 года, замѣчается рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы и въ этомъ отношеніи лишить судебныя учрежденія необходимой самостоятельности даже въ распредѣленіи занятій между своими членами. Мѣры эти начались съ судебныхъ слѣдователей, которые очень скоро потеряли большую часть своихъ права членовъ судовъ и право несмѣняемости вслѣдствіе неуверженія ихъ въ должности, а назначенія ихъ къ исправленію обязанностей слѣдователей. 30 октября 1867 года впервые учреждена должность особыхъ временныхъ судебныхъ слѣдователей по особымъ важнымъ дѣламъ, причѣмъ не окружному суду, а министру юстиціи предоставлено право поручать имъ производство слѣдствій. Закономъ 8 марта 1871 года, въ видѣ временной мѣры, постановлено, что стоящіе при петербургскомъ окружномъ судѣ судебные слѣдователи опредѣляемые для производства слѣдствій собственно по столбамъ производятъ ихъ на всемъ пространствѣ города: такимъ образомъ отмѣнилась статья 288 уст. угол. судопр., по которой каждый слѣдователь производить слѣдствія въ назначенномъ ему участкѣ города, но все же еще распредѣленіе занятій между слѣдователями по новому закону осталось за окружнымъ судомъ съ утверженія министра юстиціи. Это послѣднее право окружнаго суда сдѣлано ничтожнымъ послѣ закона 18 января 1872 года, которымъ уже предоставляется министру юстиціи измѣнять составленные судебными органами въ порядкѣ распредѣленія занятій между слѣдователями примѣры.

въ петербургскомъ окружномъ судѣ. Всѣ вновь назначаемые члены суда и товарищи председателей поступаютъ: если они криминалисты, то въ одно изъ трехъ уголовныхъ отдѣленій, а если они цивилисты, то въ 7-е отдѣленіе, въ которомъ сосредоточены всѣ дѣла охранительныя и старыхъ судебныхъ мѣстъ и приучаясь къ господствующей въ судѣ практикѣ по различнымъ предметамъ, они остаются до открытія вакансіи въ одномъ изъ трехъ гражданскихъ отдѣленій; но при этомъ, въ 3-мъ уголовномъ отдѣленіи, въ которомъ сосредоточены всѣ производства, возникающія по уголовнымъ дѣламъ до преданія обвиняемаго суду, подлежащія рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей другимъ уѣздамъ петербургской губерніи, и дѣла, рѣшающіяся въ присяжныхъ, — личный составъ мѣняется періодически, такъ что ни одинъ судья не остается въ этомъ отдѣленіи болѣе года. Такой порядокъ перемѣщенія судей, установленный наказомъ, объясняется тѣмъ, что дѣла 3-го отдѣленія труднѣе дѣлъ другихъ двухъ уголовныхъ отдѣленій и при томъ такого свойства, съ которыми необходимо знакомиться всѣмъ судьямъ-криминалистамъ: такъ, напримеръ, ознакомиться съ положеніемъ слѣдственной части въ петербургской губерніи можно только въ этомъ 3-мъ отдѣленіи.

Мы не безъ умысла указали на распредѣленіе занятій между членами, установленное петербургскимъ окружнымъ судомъ, считаясь во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Такой порядокъ распредѣленія занятій, — несомнѣнно, какъ доказалъ опытъ, полезный, — не могъ выработаться только самимъ судомъ, увидѣвшимъ практическія неудобства всякаго иного распредѣленія. Понятно, что всякое раздѣленіе занятій между членами одного и того же учрежденія всего лучше можетъ быть установлено ими самими и, дѣйствительно, не удалось указать ни одного примѣра, гдѣ бы это правило представляло послѣдствія. Противники всякой судебной самостоятельности обыкновенно указываютъ на отдѣльные случаи того, какъ одинъ членъ, долгое время занимавшійся гражданскими дѣлами, перешелъ въ уголовное отдѣленіе или наоборотъ, или на неудачное, съ точки зрѣнія высшей стороны, председательства какое-нибудь члена въ уголовномъ отдѣленіи съ присяжными засѣдателями, — не говоря о томъ, что такіе отдѣльныя, не имѣющіе никакого значенія, ничтожныя не доказываютъ и никакихъ вредныхъ послѣдствій не представляютъ. А, между тѣмъ, эти-то исключительные, ничтожные примѣры, рѣдкіе факты, вѣроятно, и дали министерству юстиціи поводъ писать новый проектъ о предоставленіи министру права производить ежегодное распредѣленіе судей по департаментамъ и отдѣленіямъ, а также назначать изъ состава суда судей, имѣющихъ

право, въ случаѣ необходимости, предсѣдательствовать. Притомъ этотъ, правда, не утвержденъ еще въ настоящее время, но уменьшаетъ его значенія.

Самый вопросъ о періодическомъ перемѣщеніи судей возникъ еще при составленіи уставовъ, хотя, конечно, въ иной формѣ, въ комиссіи, составлявшей уставы и въ которой принимали участіе многіе изъ лучшихъ юристовъ, по этому вопросу произошло ответственное разногласіе. Большинство комиссіи (въ томъ числѣ гг. Букатовскій, Ав. и С. Зарудные, Зубовъ, Книримъ, Ковалевскій, Лавинскій, Матюнинъ и В. Утинъ), находя, что различныя отрасли права такъ тѣсно между собою связаны, что для основательнаго изученія одной изъ нихъ необходимо изучить и прочія, признавало по этому необходимыми періодическое, по крайней мѣрѣ черезъ годъ, перемѣщеніе судей изъ департаментовъ или отдѣленій гражданскихъ въ уголовныя и наоборотъ. Меньшинство же комиссіи (гг. Квистъ, Рѣпинскій, Фришъ и Эссенъ) не согласилось съ такимъ мнѣніемъ, между прочимъ и потому, что „никакой трудъ не исполняется добросовѣстно, съ любовью къ дѣлу, а потому и усиленно тотъ, который возлагается на человѣка противъ его воли и наклонности“. Государственный совѣтъ принялъ мнѣніе меньшинства комиссіи на томъ основаніи, что „перемѣщеніе судей можетъ лишить ихъ возможности пріобрѣтать основательныя практическія свѣдѣнія въ той отрасли законодательства, изученію которой они преимущественно себя посвятили и такимъ образомъ затруднить ихъ въ правильной производствѣ и рѣшеніи ввѣренныхъ имъ дѣлъ“.

Теперь тотъ же вопросъ о перемѣщеніи возникаетъ въ иной формѣ, въ которой на первомъ планѣ стоятъ вовсе не желанія, чтобы судьи изучали всѣ отрасли права и законодательства, а инныя, административныя цѣли, не имѣющія ничего общаго ни съ правомъ, ни съ законодательствомъ. Теперь министерство юстиціи, не совмѣщая въ себѣ необходимыхъ для этого условий, желаетъ пріобрѣсти принадлежачую самимъ судебнымъ учрежденіямъ, относительно рѣшенія предсѣленія судей по отдѣленіямъ и предоставленія нѣкоторымъ судьямъ права предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ. Никакихъ неудобствъ происходившихъ отъ существовавшаго доселѣ порядка распределенія занятій между судьями, не испытывали до сихъ поръ ни тяжущіеся и подсудимые, ни сами судебныя учрежденія. Напротивъ того: только при нынѣшнемъ порядкѣ можно достигнуть того, чтобы каждый судья, въ зависимости отъ своихъ способностей, опытности, нравственныхъ качествъ и свойствъ характера, потому что всѣ эти качества могутъ быть извѣстны только его сослуживцамъ и сотру-

а никакъ не министерству юстиціи, какія бы оно свѣдѣнія ни имело черезъ прокурорскій надзоръ.

Нельзя не опасаться, что мѣра эта могла бы уменьшить довѣренности общества къ суду, который, такимъ образомъ, состоялъ бы изъ лицъ, не только награждаемыхъ черезъ министра, но еще и назначаемахъ имъ съ мѣста на мѣсто. Для общества не будетъ дѣла того, что предварительное распределеніе судей будетъ производиться самимъ судомъ и что министерство только въ „крайней необходимости“ перемѣнитъ сдѣланное судомъ распределеніе, такъ какъ оно уже успѣло убѣдиться въ томъ, какимъ малымъ авторитетомъ пользуются иногда представленія судебныхъ учреждений передъ министерствомъ, смотрящимъ на нихъ, какъ на пустую формальность. Каждый тяжущійся и подсудимый, имѣя противникомъ сильнаго и на сего, будетъ опасаться, что проиграетъ свое дѣло не потому, что оно неправо, а потому что судьи не желаютъ подпасть подъ вліяніе вліятельныхъ лицъ и за „дурное направленіе“ попасть нежданно „для пользы дѣла“ изъ гражданского отдѣленія въ уголовное или наоборотъ.

Что мѣра, подобная той, о которой мы говоримъ, легко вызоветъ такое толкованіе—это не только легко предвидѣть, но и легко объяснить. На всякаго непредубѣжденнаго человѣка весь рядъ совершаемыхъ, по инициативѣ министерства юстиціи, съ 1866 года переломъ въ судебныхъ уставахъ никакъ не можетъ произвести обоготворяющаго впечатлѣнія. Какъ ни незначительны кажутся нѣкоторыя перемѣны, но каждая изъ нихъ видимо выбиваетъ по куску, изъ цѣлаго и небольшому, фундамента, на которомъ построены новыя судебныя учрежденія, и становится понятнымъ опасеніе того, что такая перемѣнка можетъ распатать стройное зданіе и превратить его въ груду развалинъ, немногимъ отличную отъ развалинъ стараго судебного порядка. Понятно также сожалѣніе и о томъ, что идя путемъ подобныхъ мѣропріятій, все болѣе и болѣе отдалается исполненіе той воли законодателя: „возвысить судебную власть, дать ей полную самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ гражданъ, отъ высшаго до низшаго“.

Ошибется ли въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе,—это другой вопросъ, на который отвѣтимъ словами К. Миттермайера: „Исторія показываетъ намъ, что народъ можетъ наслаждаться справедливымъ и безопаснымъ общественнымъ порядкомъ, силу законовъ и свободу гражданъ, только въ такомъ случаѣ, когда правительство твердо держится законамъ...; когда всѣ должностныя лица